

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛУТАРХ МОРАЛИИ

PLUTARCHI CHAERONENSIS
SCRIPTA MORALIA

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Л. А. ФРЕЙБЕРГ и М. Л. ГАСПАРОВА

Перевод с древнегреческого

Л. А. Фрейберг

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ПЛУТАРХ

О ТОМ, ЧТО ПИФИЯ БОЛЕЕ НЕ ПРОРИЦАЕТ СТИХАМИ

Сочинение Плутарха «О том, что Пифия более не прорицает стихами» написано им в последние годы жизни, предположительно в 117 г. Оно появилось, видимо, как плод пребывания Плутарха в сане жреца при дельфийском оракуле. Плутарх принимал деятельное участие в реставрации многих памятников в Дельфах, пострадавших во время войн с римлянами.

Следуя литературным традициям классической эпохи, Плутарх прибегает к форме философского диалога. В соответствии с каноническими правилами жанра, заданными еще Платоном, данное сочинение начинается с диалогического вступления, постепенно вводящего читателя в основное изложение. Два дельфийца, Басилокл и Филин, встретившись вечером, обмениваются впечатлениями о событиях прошедшего дня. В Дельфы приехал молодой иноземец, Диогениан, пожелавший осмотреть памятники и достопримечательности святилища. Его сопровождала, оказывается, целая компания образованных эллинов, эрудитов, философов, — и в процессе осмотра возникла тема, которая обозначена в заглавии и которая составляет главную тематическую линию всего сочинения. Филин пересказывает Басилоклу беседу, в которой, кроме него самого и Диогениана, участвовали еще Теон, Серапион, Боэт. Беседа ведется в процессе осмотра Дельф; собеседники останавливаются перед некоторыми памятниками, и у них возникают различные вопросы, иногда не имеющие отношения к главной теме. В этом сказались общий замысел «Моралий», их универсализм, их ассоциативный принцип, постоянно применяемый Плутархом. В ходе диалога Плутарх знакомит читателя и с техникой внешней отделки скульптур, и с историей Дельф, и с их природными особенностями. Попутно, в ходе общей беседы, излагается, во-первых, теория пророческого вдохновения, во-вторых, ведется полемика со стоиками и эпикурейцами, к которой Плутарх прибегает при каждом удобном случае во всех без исключения сочинениях, составляющих «Моралии», и, наконец, трактуется вопрос о вере и о модусе поведения жреца Аполлона. Эти три тематических аспекта составляют религиозно-философский план диалога. Плутарх часто обращается и к истории Дельф. Даются занимательные сведения о людях различного общественного положения, приходивших в Дельфы, приводятся примеры стихотворных оракулов.

Только с 21 главы (всего же глав 30) начинается настоящее обсуждение главной темы. Плутарх насчитывает пять причин, по которым с течением времени прозаические прорицания сменили стихотворные: 1) Пифия сама по себе не обладает никакой способностью писать стихи, а поэтому и не вольна выбирать форму для оракулов; ¹ она только повторяет слово истинного прорицателя — Аполлона; 2) поэзия придавала оракулам расплывчатость и неясность, что необходимо было в прежние времена и не нужно теперь; 3) двусмысленности, присущие поэзии, и поэтические перифразы теперь вышли из моды; 4) поэтическая форма оракулов способствовала их запоминанию, что было особен-

но важно в эпоху колонизации, а теперь это бесполезно; 5) сами вопросы, задаваемые в прорицалище, стали намного проще и требуют точных и ясных ответов.

Речь каждого из пяти участников диалога построена таким образом, что читатель может сделать некоторые заключения и о характере говорящих. Уже с первых страниц диалога раскрывается выразительный образ молодого Диогениана, сколь утонченного и ученого, столь же и вежливого. Плутарх сообщает о его пылкой любознательности; некоторая прямота и наивность суждений юноши иногда нарочито выделяется автором, чтобы поспорить с философскими противниками. Затем в беседу вступает Теон — знаток дельфийских древностей, излагающий теорию пророческого вдохновения, часто говорящий от лица самого Плутарха. Он часто перебивает собеседников, смеется, суждения его довольно безапелляционны. Интересно, что роль Теона в общем ходе диалога близка к роли Сократа в диалогах Платона. Если, как и Диогениан, Теон является вымышленным лицом, то Серапион из Афин — лицо подлинное: мы встречаем его как собеседника еще в плутарховых «Застольных беседах», ему посвящен диалог «Об Е в Дельфах». Сам будучи автором философских поэм, Серапион защищает поэтическую форму оракулов. Строгость его высказываний и его склонность к морализированию выдают в нем приверженца стоиков, и таким образом находит повод антистоическая полемика Плутарха. Poleмика против эпикурейцев дана Плутархом в тех местах, где он вводит рассуждения математика Бозта, в которых заметны эпикурейские тенденции. Эту полемику осуществляет Филин, от лица которого ведется изложение диалога. По стилю и языку весь диалог Плутарха, как, впрочем, и все сочинения «Моралий», представляют собой сложное и интересное явление: кроме цитирования оракулов, что обусловлено самой темой, Плутарх приводит и трактует высказывания многих поэтов, прозаиков и философов классического периода. Язык Плутарха в этом диалоге, чрезвычайно живой и подвижный, изобилует мифологическими аллюзиями, риторическими вопросами, метафорами, — обстоятельство, которое заставило еще первого издателя «Моралий», Максима Плануду, причислить это сочинение к лучшему из написанного херонейским моралистом. Плануду также обязаны мы и названием предлагаемого ниже диалога.

Перевод выполнен по изданию: Plutarque. Sur les Oracles de la Pythie. Texte et traduction avec une introduction et des notes par R. Flacelière, P., 1937. Также использованы издания: Plutarch's Moralia with an English translation by F. C. Babbitt, L., 1936; Plutarchi Moralia, rec. C. Hubert, W. Nachstaedt, W. R. Paton, M. Pohlenz, W. Sieveking, J. Wegehaupt, vol. III, Lipsiae, 1927.

ПЛУТАРХ

О ТОМ, ЧТО ПИФИЯ БОЛЕЕ НЕ ПРОРИЦАЕТ СТИХАМИ

Действующие лица диалога:

Басилокл, Филин

395 Е

Б а с и л о к л. Долго же, Филин, вы показывали гостю посвященные памятники; я уж потерял надежду вас дожидаться **Ф и л и н.** Да мы, Басилокл, шли медленно, сея речи и пожиная споры жаркие, задорные, которые, словно Спарты¹, всходили и разрастались тут же по дороге.

Б а с и л о к л. Так что же, цозовем мы кого-нибудь из участников или сам ты желаешь доставить нам удовольствие и рассказать, что это были за речи и кто их произносил?

Ф и л и н. Видно уж, Басилокл, это мое дело. А то из других тебе нелегко будет найти кого-нибудь в городе: я видел, что

¹ Спарты (Σπάρτοι — «Посеянные», от σπείρω) — эпитет воинов, выросших из зубов убитого Кадмом дракона. Этот мифологический образ выполняет здесь чисто стилистическую функцию, связывая два разных понятия: «словесного сражения», «спора» и «разрастания». Ср. P a u s., IX, 10, 1.

очень многие пошли сейчас вместе с гостем в Корикий² и Ликорию³.

394 F Б а с и л о к л. Так значит гость наш большой охотник смотреть и еще больше — слушать?

Ф и л и н. А пуще того он охотник до знаний и поучения. Однако всего удивительнее не это, а его любезная обходительность и общительность, потому что он умеет спорить без наскоков, дерзостей в ответах. Так что уже немного побыв с ним, ты скажешь: «Вот добрый отпрыск доброго отца» — ты ведь знаешь Диогениана⁴, какой он прекрасный человек.

Б а с и л о к л. Сам я, Филин, его не видал, но встречался со многими, кто отлично отзывался о его речах и характере: нечто подобное этому говорилось и о юноше.

395 A П. Ф и л и н. Храмовые проводники излагали нам все, что положено, и совсем не слушали наших просьб сократить объяснения и миновать многие надписи. Гостя же нашего мало трогали вид и отделка статуй: он, должно быть, много перевидал прекрасных вещей, а восхищался он тем, что патина на бронзе похожа не на грязный налет или ржавчину, а на светлую лазурь, так что даже статуи навархов⁵, с которых начинается осмотр, стоят, играя цветами так, словно только что вышли из морских глубин. «Наверно, — сказал он, — был у старинных медников какой-нибудь особенный состав или смесь вроде той пресловутой отделки лезвий у мечей, с прекращением которой бронзе пришлось отдохнуть от бранных дел? Ведь говорят, что так называемая коринфская бронза обязана своим красивым цветом не искусству, а случаю: когда сторел дом, где хранилось золото, серебро, но больше всего меди, все это сплавилось и смешалось, и сплав этот стал называться коринфской бронзой, потому что в нем бронзы было больше всего». Но Теон перебил его: «Мы слышали этому другое, более остроумное объяснение: будто бы один коринфский медник нашел ящик, полный золота, и боясь, как бы это не открылось, стал небольшими кусочками отрубать и подмешивать понемногу золота к бронзе; получился дивный сплав, и он дорого продал свою работу тому, кто оценил красоту этого цвета. Впрочем, и это тоже сказка: просто, по-видимому, была какая-то смесь и обработка, вроде как теперь, у тех, кто смешивает золото и серебро и получает особенную и необычную желтизну, на мой взгляд

395 C даже болезненную»⁶.

² Корикий — грот на Парнассе примерно в двух часах ходьбы от Дельф. Ср. P a u s., X, 6, 2—3 и 32, 2.

³ Ликория (Λικωρία); чтение, принятое Патеном, — Λικωρία (Ликурия) — легендарный город на Парнассе, см. P a u s., X, 6, 2.

⁴ Диогениан Старший выведен Плутархом в «Застольных беседах» (VII, 7, 8; VIII, 1, 66; 2; 9), где он принимает живое участие в разговорах на самые разнообразные темы и обнаруживает большую начитанность и осведомленность в литературе классического периода, чему импонирует место его происхождения, названное Плутархом, — Пергам. «Вот добрый отпрыск доброго отца» — пословица, ср. P l a t o, Resp. 368 A.

⁵ После битвы при Эгоспотамах (405 г. до н. э.) Лисандр поставил в Дельфах бронзовые статуи всех навархов и свою (P l u t., Lys. 18).

⁶ Сплав золота и серебра, применяемый в античности для чеканки и полуды, под названием ἡλεκτρον упоминается Страбоном (III, 2, 8). Коринфская бронза описана у Павсания (II, 3, 3) и более подробно у Плиния Старшего, который говорит об ее трех видах: беловатая, с серебристым отливом от содержащегося в ней по преимуществу серебра, желтая, с золотистым отливом — от избытка золота, и третья — цвет ее Плинием не обозначен, — содержащая все три компонента в равных частях (HN, XXXIV, 3).

III. «Отчего же, по-твоему, — сказал Диогениан, — здешняя бронза приобрела свой цвет?». А Теон ответил: «Когда существовали, как считается, естественные первичные стихии: огонь, земля, воздух, вода, то из них соприкасался и взаимодействовал с медью только воздух, и понятно, что под этим-то воздействием медь и получила особое, всегда ей присущее и свойственное качество. Или ты скажешь мне как комический поэт:

«Так певали еще до Феогида ⁷»

и пожелаешь узнать, какова природа воздуха и откуда в нем способность окрашивать медь, соприкасаясь с ней?» Диогениан подтвердил, и Теон продолжал: «И я, сынок, хочу того же; так давай подумаем, и прежде всего, если хочешь, вот о чем: почему из жидкостей масло больше всего способствует появлению патины? Не само ведь оно наносит патину: с бронзой оно соприкасается чистым и незамутненным». «Конечно, нет, — сказал юноша, — причина здесь, по-моему, другая: сквозь тонкое, чистое и прозрачное масло патина становится особенно заметной, а в других жидкостях она невидима». «Отлично, сынок, — сказал Теон, — а не хочешь ли ты рассмотреть и ту причину, о которой говорит Аристотель?» «Конечно, хочу», — ответил Диогениан. — «Так вот, Аристотель говорит, что тонкая природа иных жидкостей растворяет и рассеивает в себе патину незаметно, так как частицы их неравные и неплотные; а плотное масло, наоборот, собирает и закрепляет патину на поверхности бронзы. Может быть, мы и сами могли бы предложить подобное объяснение, чтобы оно, словно заклинание, рассеяло трудность ⁸».

396 А IV. Так как мы ему позволили и просили продолжать, он сказал: «Воздух в Дельфах плотный и сгущенный: из-за отпора и сопротивления окрестных гор в нем копится сила; к тому же он и тонкий, и едкий, как видно по здешнему пищеварению. И вот, окружая бронзу и благодаря своей тонкости проникая в нее, он вытягивает из нее слой земистой патины; и так как плотность давящего воздуха не позволяет ей улетучиться, то она ложится на бронзу покровом, и ее так много, что бронза под ней начинает цвести и приобретает снаружи блеск и сияние».

396 В Мы согласились, а гость сказал, что для объяснения достаточно и одного лишь допущения. «Думается, сказал он, — что тонкость воздуха противоречит его плотности, о которой говорилось, и ее предполагать нет надобности, бронза, старея сама по себе, выдыхает и испускает патину, которая, подвергаясь стеснению и сжатю от плотного воздуха, из-за своего большого количества становится явственной».

Но Теон перебил его: «А разве не может быть, милый гость, чтобы один и тот же предмет был и тонким и плотным? Таковы, например, тонкие полотняные и шелковые ткани, о которых Гомер сказал:

«...ткани ж

Были так плотны, что в них не вшивалось и тонкое масло ⁹».

396 С показывая этим сразу и тонкость, и плотность тканья, — масло

⁷ Строка из неизвестного комедиографа — Kock, III, p. 495, № 461, Adespotia.

⁸ Из неизвестного сочинения Аристотеля.

⁹ Hom., Od. VII, 107. О секрете изготовления плотных и тонких тканей — Plut., Alex. 36; Athen., 582 D.

в него не проникает, а скользит по нему и стекает, так как не может войти в плотную материю. А уж если допускать тонкость воздуха, то не только для извлечения патины, а еще и потому, что, смешивая лазурь с блеском и светом, она делает и самую окраску более приятной и яркой».

V. После этого воцарилось молчание, а затем проводники стали продолжать свои речи. Когда они привели какой-то стихотворный оракул, кажется, о царстве Эгона Аргосского¹⁰, Диогениан сказал, что не раз удивлялся, какими слабыми и вялыми словами

396 D Музами и не менее причастен к красоте слова, нежели благозвучию музыки и пенья, далеко превосходя благогласием Гомера и Гесиода, а оракулы его, как мы видим, сплошь и рядом полны погрешностей и небрежностей как в метре, так и в словах».

На это бывший тут же поэт из Афин, Серапион¹¹, сказал: «Как? Мы верим, что это слова божества и смеем утверждать, что они уступают красотой Гомеру и Гесиоду? Нет, отвергнем лучше стихи Гомера и Гесиода как недостаточно прекрасные и исправим этим наш вкус, извращенный укоренившейся привычкой к дурному».

Но его перебил математик Боэт (ты ведь знаешь, что он уже перешел в стан Эпикура): «Разве ты не слышал, — сказал он, — о живописце Павсоне?»

396 E «Не слышал», — ответил Серапион.

«А послушать стоит! Ему было заказано написать катающего по земле коня, а он написал бегущего. Заказчик возмутился, а Павсон, смеясь, перевернул картину вверх ногами, и конь на ней оказался не бегущим, а катающимся по земле¹². Так бывает, по словам Биона, с некоторыми речами, если их переиначить. Поэтому некоторые не скажут, что оракулы исходят от бога, а стало быть хороши, но скажут, что оракулы нехороши, а стало быть исходят не от бога. В самом деле: от бога ли они, это еще

396 F неясно. А что слова в них скверно отделаны, это, дражайший Серапион, ты отлично и видишь, и понимаешь: сам-то ты стихи пишешь по содержанию философские и серьезные, а по выражению, по приятности и по отделке слов похожие куда больше на стихи Гомера и Гесиода, чем на те, которые изрекает Пифия».

VI. Тогда Серапион ответил: «Это болезнь, Боэт; болезнь поразила нам глаза и уши, и от пресыщения и неги мы привыкли почитать и объявлять сладкое прекрасным. Вот мы и браним

397 A Пифию за то, что она не поет нежней кифаристски Главки¹³ и нисходит в заповедное, не умадившись и не разодевшись в пурпур, и воскуряет при этом не кассию, не ладан, не ливийские тра-

¹⁰ Эгон был легендарным царем Аргоса, преемником Гераклидов; здесь Плутарх упоминает оракул на его статуе, поставленной аргосцами в Дельфах после 369 г. до н. э., когда спартанцы после поражения при Левктрах старались своими дарами в Дельфах превзойти остальные греческие государства, и в частности Аргос (P a u s., X, 10, 5; F l a s e l i è g e, ук. изд., введение, стр. 56 сл.).

¹¹ Серапион — афинский поэт, современник Плутарха, выведен как одно из действующих лиц и собеседников «Застольных бесед», где упомянуты его эпипикии (I, 10); обращением к нему начинается и диалог дельфийского цикла «Об Е в Дельфах».

¹² Павсон — афинский художник начала IV в. до н. э., известный своей бедностью и остроумием; упоминается в некоторых комедиях Аристофана, например, Acharn. 854; Eccels. 949. История, приведенная Плутархом, изложена у Элиана (V. H. XIV, 15).

¹³ Главка с Хиоса — известная певица III в. до н. э.; о «напевах Главки» похвально отзывался Феокрит (Идилл. IV, 31).

вы, а лавр и ячменную муку. Разве ты не видишь, — продолжал он, — сколько приятности в песнях Сапфо, чарующих и услаждающих слушателей? «А вот Сивилла безумными устами (как говорит Гераклит) издает звуки невеселые, неприглядные, неблагоуханные, но тысячи лет звучит этот голос» божьей силою. И у Пиндара сказано, что Кадм «слышал от бога прямую песнь»¹⁴, а не слащавую, не изнеженную, не переливчатую. Ведь святое и безстрастное чуждо услады, но вместе с Атой проникла услада в этот мир и более всего в людской слух»¹⁵.

397 В VII. Когда Серапион произнес это, Теон усмехнулся: «Ну, Серапион себя потешил, не упустил случая поговорить об Ате и об Усладе. Но мы, Боэт, даже будь эти слова не хуже Гомеровых, не станем думать, что их сочинило божество, — оно только было началом того движения, которое охватывало каждую пророчицу. И ведь если бы нужно было записывать, а не произносить оракулы, я думаю, мы почитали бы эти письмена божескими и не попрекали бы их за то, что они писаны не так красиво как царские указы. И звук, и голос, и слова, и стихотворный размер принадлежат не богу, а жрице; а бог лишь рождает образцы фантазии и возжигает свет в душе для прозрения будущего: вот что такое вдохновение. А впрочем, от вас, пророков Эпикура, ускользнуть невозможно: древних пророкиц вы упрекаете за то, что они говорят плохими стихами, а нынешних — за то, что они производят оракулы в прозе первыми подавшими словами, чтобы не держать перед вами ответ за стихи увечные, хромые и куцые».

397 D «Не шути ради богов, — сказал ему Диогениан, — а ответь нам на общий наш вопрос. Ведь нет никого из нас, кто не задумывался бы над причиной того, что нынче прекратились вещания в гексаметрах и дистихах».

397 E Тогда Теон его перебил: «Боюсь, дитя, что мы сейчас мешаем нашим проводникам делать свое дело: пусть лучше они сперва его закончат, а потом ты спокойно сможешь рассуждать, о чем хочешь».

397 F VIII. Тем временем мы уже прошли вперед и поравнились со статуей тирана Гиерона. Гость наш, хоть и сам все знал, из вежливости держался внимательным слушателем. Но и он удивился, услышав, что стоявшая наверху колонна Гиерона рухнула сама собой в тот самый день, когда в Сиракузах его настигла смерть. И я стал тоже припоминать кое-что подобное, как, например, перед кончиною спартанца Гиерона, приключившейся в Левктрах, у его статуи выпали глаза; как помрачились звезды, которые принес в дар богу Лисандр после битвы при Эгоспотамах, а каменная статуя его настолько вдруг поросла дикой травой, что лицо его оказалось скрытым; как при Сицилийском поражении¹⁶ с финиковой пальмы стали падать золотые плоды, а щит Паллады поклевали вороны; как книдский венок, который тиран фокейский Филомел преподнес танцовщице Фарсалии, погубил ее, когда она, уехав из Эллады в Италию, танцевала в Метапонте

398 A возле храма Аполлона: на этот венок бросились юноши и, подрав-

¹⁴ P i n d. fr. 32 (Pindari carmina cum fragmentis, post B. Snell ed. N. Maehler, Lipsiae, 1971).

¹⁵ Эту мысль Плутарх развивает в своем трактате «О слушании», гл. 2, 38 А — В.

¹⁶ События Сицилийской экспедиции Алкивиада в 415—413 гг. до н. э.

пись из-за золота, разорвали женщину¹⁷. Так вот Аристотель говорил, что только Гомер умел одушевлять слова своей энергией¹⁸, а я сказал бы, что жертвенные дары здесь тоже безмерно одушевлены промыслом божьим и участвуют вместе с ним в знамениях; ничто в них не праздно и не бесчувственно, но все исполнено божества.

398 В А Бозт добавил: «Вот уж можно сказать: мало нам раз в месяц заключать бога в смертное тело — мы его еще будем вмуровывать во всякий камень и бронзу, как будто нам недостаточно создающей Судьбы и Случая для подобных стечений обстоятельств». «Ты думаешь, стало быть, — сказал я, — что каждое из этих явлений — дело Судьбы или Случая? Ты убежден, что атомы сталкиваются, разлетаются, отклоняются с пути не раньше и не позже, а как раз в то самое время, когда каждый жертвователю задумывал что-то худое или доброе? И подсказал тебе это Эпикур, который изрек или написал такое 300 лет тому назад? И ты думаешь, что если бы бог не участвовал во всем и не смешивался бы со всем, то он и не мог бы быть причиной движений и перемен всего сущего?»

398 С IX. Вот что я ответил Бозту; а нечто подобное можно сказать и о Сивиллиных оракулах.

398 D Когда же мы подошли к скале близ злания совета, на которой, говорят, восседала первая Сивилла, пришедшая с Геликона и вскормленная Музами (некоторые же говорят, что она прибыла из страны Малиды и была Ламией¹⁹ дочерью Посейдона); тогда Серапион вспомнил о стихах, в которых она прославила себя, объявив, что она не перестанет пророчествовать даже после смерти: сама она будет на луне, ставши ее видимым ликом; а дыхание ее растворится в воздухе, и вечно будет носиться в изречениях и прорицаниях; тело же ее обратится в землю и прорастет травой и деревьями, а от этого вскормится священная паства, различной масти, разного вида, с разными особенностями во внутренностях, по которым будет людям раскрываться будущее.

Бозт рассмеялся в глаза, а особенно, когда гость сказал: «Пусть это и кажется сказками, но ведь предсказания подтверждаются гибелью и выселениями стольких греческих городов, вторжениями варварских войск, падениями государств; и даже самые недавние бедствия Кимы и Дикеархии²⁰ разве не воспеты

¹⁷ Историю последних дней сиракузского тирана Гиерона (правил в 478—467 гг. до н. э.) рассказывает Ксенофонт (Гиерон, I, 6, 32). Спартанец Гиерон — лицо неизвестное; возможно, что его упоминает Ксенофонт (Hell. VI, 4, 9) в числе участников битвы при Левктрах (371 г.). Некоторые исследователи «Моралий» начала XX в. приписали конъектуру «Гермон» — имя одного из командиров флота Лисандра при Эгоспотамах (например, J. J. Hartman, De plutarcho scriptore et philosopho. Lugduni Batavorum, 1916); Фласселлер и Патон сохраняют рукописное чтение. Об исчезновении золотых звезд Диоскуров, поставленных Лисандром, см. Plut., Lys. XVIII. О зите Паллады — Paus., X, 15, 5. Тиран Фломел — правитель Фокиды в середине IV в. Для ведения так называемой Священной войны с фиванцами в 356 г. до н. э. он ограбил Дельфы; Афней (605 С — Д) передает эту историю, ссылаясь на историка Феопомпа и заменяя Филомела Лампсаком.

¹⁸ Arist., Rhet. III, II, 1411 b.

¹⁹ Павсаний (X, 12. I) сообщает имя первой Сивиллы, которая была до культа Аполлона — Герофила Эритрейская; имя первой дельфийской пророчицы осталось неизвестным. Ламия — баснословное чудовище, сосущее человеческую кровь, часто в сознании греков ассоциировалась с луной, которая воспринималась как некий призрачный лик. У Плутарха эта тема получила развитие в трактате «О лике, видимом на луне».

²⁰ Имеется в виду извержение Везувия в 79 г.

и не прославлены сивиллиными стихами, чтобы свершиться в свое время как должное? Извержения горного огня, вскипающее море, камни и огненные глыбы в ветре, разрушение стольких и таких городов, которые будут стерты с земли так, что пришедшим через день уже не видно, где они находились, — во все это едва можно поверить, а не то что предсказать без помощи божества».

Х. Но Боэт сказал: «Дорогой мой, а есть ли что в природе, что само собой не наступило бы со временем? Есть ли что-нибудь настолько невероятное и неожиданное на земле, на море, в городах, меж людей, чего нельзя было бы предсказать и что не оправдалось бы? Потому-то это не значит предсказывать, а значит болтать и бросать на ветер слова, ни на чем не основанные; а вылетов, такие слова часто совпадают с судьбою и сбываются сами собой. Ведь, я полагаю, есть различие между понятиями „сказанное сбылось“ и „сказано то, что сбудется“. Слово о том, чего нет, всегда чревато ошибками; оно не в праве требовать непреложного доверия и оно лжет, когда приводит в доказательство верности пророчества следующие события, потому что в бесконечности времени все

когда-нибудь сбывается. Больше того: тот „угадчик славный“, которого пословица объявляет „лучшим предсказателем“²¹, подобен следопыту или сыщику, острым умом угадывающему и исследующему будущее; а все эти Сивиллы и Бакиды²², словно в море, выбросили все свои бездоказательные сроки, наугад рассеяв имена и названия различных событий и случаев. И если что-то из этого случайно и сбудется, все равно то, что говорится теперь, останется ложью, даже если потом при случае и станет правдой».

XI. Когда Боэт окончил речь, Серапион сказал: «Суждение это справедливо для предсказаний, по выражению Боэта, неопределенных и бездоказательных: как, например, если полководцу предсказана победа — и он победил, городу предсказана гибель — и он погиб. А когда говорится не только о том, что именно произойдет что-либо и как, и когда, и после чего, и при чьем участии, то это не угадывание возможных событий, а полное разъяснение будущего. Таков, например, оракул о хромоте Агесилая:

«Спарта! Одумайся ныне! Хотя ты, с душою надменной,
Поступью твердой идешь, но власть возрастить ты хромую.
Много придется тебе нежданых бедствий изведать,
Долго хлестать тебя будут войны губительной волны»²³.

399 С А еще и оракул об острове, который поднялся из моря перед Ферой и Ферасией во время войны Филиппа с римлянами:

«Время наступит, когда финикийян троянское племя
В битве большой победит, — и тогда же явления чуда
Произойдут: огнем невиданным вспыхнет пучина,
Молнии ринутся ввысь, ураганом несясь через воду,

²¹ Текст пословицы: «Тот лучший предсказатель, кто добро сулит» (находится во фрагментах — Еврипида — Nauck, № 963 и Менандра — Kock, III, № 65, fr. 225).

²² Бакиды, как и Мусей, один из наиболее известных легендарных предсказателей, Аристотель (Problem. 954, a36) причисляет его к людям «боговдохновенным».

²³ P l u t., Ages. III; Lys. XXII, также P a u s., III, 8, 9. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек в кн.: П л у т а р х, Сравнительные жизнеописания, т. 2, М., 1963, стр. 112 и 306.

Груды камней из глубин за собой увлекая, — и остров
Смертным, доселе неведомый, встанет, — и слабые люди
Более сильных себе подчинят, одолев их в сражениях»²⁴.

- Тут уж пожалуй никто не скажет, что это совпадение случайное и произошло само собой: ведь порядок событий подтверждает предсказанное: римляне в короткое время победили Ганнибала и одолели карфагенян; Филипп, сам сразившись с этолианами и римлянами, был разбит; а из пучины вышел остров, причем извергался великий огонь и кипело море. И римлянам за 500 лет было предсказано время, когда им придется воевать со всеми народами сразу, — и это сбылось в войне с восставшими рабами²⁵. В этих случаях ведь предсказание ничего бездоказательного и темного не предоставляло на волю судьбы, чтобы доискивались смысла в незнании; напротив, опыт дает нам все ручательства и указывает нам пути судьбы. Вряд ли кто стал бы утверждать, что лишь случайно совпали эти стихотворные оракулы с событиями. Иначе, Бозт, почему бы нам не сказать, что «Главные мысли»²⁶ не Эпикур написал, а просто книжечка эта сама собой сложилась из случайного совпадения букв?

- ХII. Продолжая эти рассуждения, мы шли вперед. Но в Коринфской сокровищнице, осматривая бронзовую пальму, которая там одна осталась из пожертвований, Диогениан изумился, да и мы с ним, пожалуй, тоже, что у ее корней изваяны лягушки и водяные змеи. Ведь пальма — не болотное, не водолюбивое растение, как другие деревья, да и лягушки не подходят для коринфян в качестве знака или символа: это ведь не тот случай, когда жители Селинунта, говорят, посвятили золотую ветку салина (сельдерей), а жители Тенедоса — секиру, потому что у них в так называемом Астерионе появились крабы, которые одни, говорят, имеют на панцире знак секиры. Но ведь для Аполлона, как принято думать, вороны, лебеди, волки, ястребы любезнее, чем вот эти лягушки! И вот Серапион сказал, будто художник этим намекает, что именно воде солнце обязано своим возникновением, питанием, испарениями, силой. Может быть, ему послышались слова Гомера:

«Гелиос с моря прекрасного встал...»²⁷,

а может быть, он увидел, что египтяне изображают начало и восход солнца в виде новорожденного младенца, сидящего на водяном лотосе.

- А я на это сказал, смеясь: «Что же ты, мой милый, опять толкаешь нас в Стою и тянешь в разговор всякие испарения и возгорания? Этим ведь ты, подобно фессалиянкам, сводишь с небес луну и солнце, словно они произросли и берут начало отсюда, от земли и воды! Ведь Платон-то даже человека назвал „небесным знаком“, потому что он тянется головой вверх, словно растет из корня. А вы смеетесь над Эмпедоклом, который говорит, что

²⁴ Имеются в виду события Второй Македонской войны между римлянами и Филиппом V. Об острове упоминает Страбон (I, 3, 16) и Юстин (XXX, 4, 1).

²⁵ Имеется в виду восстание Спартака. Ср. P l u t., Gras. 8 слл.

²⁶ Сборник афоризмов Эпикура. Издание отрывков: Epicurea, ed. H. Usener, Lipsiae, 1887.

²⁷ Серапион излагает учение стоиков. Далее H o m., Od. III, 1. Об египетских изображениях солнца см. трактат Плутарха «Об Исиде и Осирисе», гл. 44.

солнце произошло от отражения небесного света от земли, —

«Свет отражает к Олимпу, взирая ликом бесстрастным»²⁸.

Сами-то вы и земнородное животное и болотное растение объявляете солнцем, ибо солнце для вас — отечество лягушек и водяных змей!

Но пусть в этом трагически разбираются стойки, мы же лишь небрежно коснемся того, чего сами художники лишь небрежно косались, — ибо хоть и много у них изысканности, все же не совсем они свободны от натяжек и небрежностей. Как, например, один ваятель изобразил на руке у Аполлона петуха²⁹ в знак расцвета и утренней поры, так, пожалуй, кто-нибудь скажет, что лягушки здесь служат символом весны, когда солнце начинает царить в воздухе и растапливать снег, — если, конечно, вы признаете Аполлона и солнце не за двух богов, а за одного.

«А по-твоему разве не так? — сказал Серапион. — Разве ты думаешь, что солнце и Аполлон — вещи разные?»

«По-моему, — сказал я, — такие разные, как солнце и луна; но луна не часто и не ото всех скрывает солнце, а солнце всех равно заставило забыть про Аполлона, отвлекши чувством мысль от сущности к видимым явлениям».

XIII. Затем Серапион спросил проводников, почему эту сокровищницу они называют Коринфской, а не Кипсоловой, хотя поставил ее Кипсел?³⁰ Так как те молчали и, должно быть, не знали, почему, то я со смехом сказал: «Вы думаете, они, оглушенные нашими речами о высоких материях, еще что-то знают или помнят? Ведь мы уже раньше от них слышали, что по низвержении тирании коринфяне захотели и золотую статую в Писе и здешнее сокровище надписать не именем тирана, а именем города. Дельфы признали это справедливым и согласились, но элейцев за то, что те им позавидовали, не стали допускать до участия в Истмийских играх. Вот почему с тех пор не было ни одного истмийского состязателя из элейцев, а вовсе не из-за убийства Молионидов Гераклом около Клеон; как полагают, напротив, будь это так, элейцы сами не стали бы допускать коринфян к играм, чтобы этим причинить им обиду». Вот, что я сказал³¹.

XIV. Когда же мы миновали сокровищницу аканфян и Брасида, то проводник показал нам место, где некогда лежали железные вертелы гетеры Родокиды. Диогениан рассердился. «Значит, — сказал он, — Родопиде можно было предоставить в городе место, куда откладывать десятину со своего дохода, а ее товарища по рабству, Эзопа, погубить?»³².

²⁸ Эмпедокл, фр. 44 — Diels, Vd. I, p. 197.

²⁹ Петух не входил в круг животных Аполлона; здесь упомянут, чтобы подчеркнуть солярный аспект почитания дельфийского бога.

³⁰ Тиранин Коринфа в VII в. до н. э., отец Периаандра. Оракул предсказал ему опасность от родственников по материнской линии, поэтому мать, когда он был ребенком, долго хранила его в ящике (*κρυφελος*). Когда Кипсел вырос, он изгнал врагов и царствовал 39 лет. См. о нем у Геродота (I, 14, 20, 23; III, 48, V, 92, 95).

³¹ Молиониды — Эврит и Ктеат, сыновья Посейдона и Молионы, племянники царя Авгия, вступили в борьбу с Гераклом и были им убиты. О них Н о м., II, XI, 709; P i n d., Ol. X, 30—40; A p o l l o d., II, 7, 2.

³² История Эзопа и Родопис, которые находились в рабстве у одного и того же хозяина, рассказана у Геродота (II, 134—135). Эзоп был обвинен в похищении золотой чаши из Дельфийского храма, и его сбросили со скалы; после этого Родопис была увезена в Египет, где ее выкупил брат поэтессы Сапфо.

Серapiон же на это сказал: «Что ты, дражайший, сердился по такому поводу? Взгляни-ка туда наверх и ты увидишь золотую Мнесарету среди царей и полководцев — это о ней Кратет сказал, что это памятник невоздержанности греков».

Но юноша, взглянув, спросил: «А не о Фрине ли это сказал Кратет?»³³. «Ну, да, — ответил Серapiон, — настоящее ее имя было Мнесарета, а прозвище Фрины («Жабы») получила она за желтоватую кожу. И немало имен вот так забыто за прозвищами. 401 В Так, говорят, мать Александра Поликсену называли потом и Мирталой и Олимпиадой, и Стратоникой; Эвметию с Родоса многие до сих пор называют по отцу Клеобулиной³⁴, а Герофилу из Эритра, прирожденную гадательницу, прозвали Сивиллой. Ты же слышал от грамматиков, что Леду называли Мнесиной, Ореста — Ахейцем (*в тексте лагуна*). ...Но каким образом ты мыслишь, — добавил он, глядя на Теона, — опровергнуть это обвинение насчет Фрины?».

XV. Тот, спокойно улыбнувшись, отвечал: «Опровергну, да так, чтобы это тебе самому было укором за то, что ты бранишь эллинов за всякие мелочи. Вот ведь Сократ, например, на пиру 401 С у Каллия, сопротивляется только умощению, но приемлет пляски детей, игру в кости, ласки, шутки³⁵ — так и ты, мне кажется, подобным образом закрываешь вход в святилище для женщины, недостойно воспользовавшейся цветом своей красоты; но видя вокруг бога первины и десятины от войн, убийств, грабежей, а в храме — груды остатков от военных эллинских добыч, ты не негодуешь, не жалеешь эллинов, читая на великолепных жертвенных дарах позорнейшие надписи: „Брасид и аканфяне — от афинян“, „афиняне — от коринфян“, „фокейцы — от фессалийцев“, а „орнеаты — от сикионцев“, „амфиктионы — от фокейцев“³⁶.

И только Пракситель, получив здесь место для любовницы, вызвал этим гнев Кратета³⁷, а ведь Кратет его должен был хвалить за то, что рядом с этими золотыми царями он поставил золотую гетеру, ибо сам Кратет порицал богатство как предмет, недостойный ни восхищения, ни почитания. Ведь в честь царей и правителей прекрасны жертвы лишь от справедливости, от великодушия, от здравомыслия, а не от обилия золота и роскоши, которые 401 Е доступны и тем, кто провел жизнь наигнуснейшим образом».

XVI. «Что же ты не расскажешь, — сказал другой проводник, — что Крез посвятил здесь богу еще золотое изображение рабыни, которая пекла ему хлеб?» «Да, — ответил Теон, — но он это сделал не с тем, чтобы обидеть бога такой роскошью, а по причине веской и справедливой. Ведь говорят, что Алиатт, отец Креза, взял себе вторую жену и имел от нее детей; и вот жена эта, замышляя зло против Креза, дала той хлебопекарше отраву и приказала замешать ее в хлеб и поднести Крезу. Но хлебопекарша украдкой

³³ Афнней (591 В) излагает этот эпизод по сочинению некоего Алкета «О приношениях в Дельфах», где Кратет назван киником.

³⁴ Ср. «Об Е в Дельфах», гл. III; также фрагменты средней комедии изображают ее одаренной умом и находчивостью: J. M. T. E d m o n d s, The fragments of Attic comedy, vol. II, Leyden, 1959, стр. 420—421, fr. 104.

³⁵ Х е n, Symp. II, 3; 11; 9; 22.

³⁶ Намек на события 422 г., когда спартанцы под предводительством Брасида разбили афинян, а также на сражение афинян в 459 г., для них победоносное, с коринфянами.

³⁷ P a u s., X, 14, 7; 15, 1.

сообщила об этом Крезу, отравленный же хлеб поднесла царицыным детям. За это Крез, когда воцарился, как бы при божьей помощи, отблагодарил оказавшую ему такое благодеяние женщину³⁸.

По такой же причине, — продолжал Теон, — любви и уважения достойны подобные приношения от греческих городов — например, от опунтийцев. Когда фокидские тираны послали в переплавку множество приношений из золота и серебра, начеканили монет и пустили их по своим городам, то опунтийцы, собрав все, какие к ним попали, фокидские серебряные деньги, перелили их на сосуд, и аполлониатов, приславших сюда золотые снопы, а еще больше — эритрийцев и магнетов, принесших богу в дар даже первины народа своего как подателю плодов, как отцу, как родителю и человекулюбцу. А мегарцев я осуждаю за то, что они, почти единственные, поставили здесь статую бога с копьем в руке. Это было после битвы, в которой они победили, выгнали из своего города афинян, занявших было его после Персидских войн⁴⁰. Правда, потом они посвятили все же богу золотой плектр, вероятно, следуя Скифину, который о лире говорит так:

«...а с нею сдружилось

Чадо прекрасное Зевса, начал и концов покровитель —
402 В Бог Аполлон, — и плектр у него сияет как солнце»⁴¹.

XVII. Но когда и Серапион собрался об этом что-то сказать, гость наш промолвил: «Хотя и приятно слушать подобные речи, но я должен попросить вас выполнить обещанное — рассказать, почему Пифия перестала предсказывать гексаметрами и другими стихами; если вы согласны, отложим остальной осмотр, присядем здесь и послушаем, в чем здесь дело. Ведь история эта — сильное возражение против веры в оракул, как там ее не толкуй: или так, будто Пифия больше не приближается к месту, где пребывает божество; или так, будто уже полностью угасла в ней пневма и истощилась сила».

Итак, обойдя вокруг, мы уселись у основания южной стороны храма, возле святилища Геи, и стали смотреть на воду. Боэт тотчас же заметил, что даже место здесь способствует сомнениям гостя: «Ведь здесь, неподалеку от бьющего ключа, находилось святилище Муз, откуда брали воду для возлияний и омовений, как говорит Симонид:

«Там непорочная влага
Прекраснокудрых Муз
Для омовений черпнется сверху»⁴².

Несколько изысканнее тот же Симонид называет Клио «непорочной блюстительницей омовений», говоря при этом:

³⁸ Негод., I, 51.

³⁹ Имеются в виду события так называемой Священной войны 355—346 гг. до н. э.

⁴⁰ В 404 г. мегарцы изгнали афинян и заключили перемирие с тридцатью тиранами. См. Thuc., I, 114—115.

⁴¹ Скифин — поэт, время жизни которого неизвестно. Здесь Плутарх обращается также к стоической доктрине: еще Клеанф отождествлял солнце с плектором (Cle m. Al., Stromat. 8, 48 — SVF I, 502).

⁴² Bergk, vol. 3, p. 409; Simoni d., fr. 44.

«Во многих молитвах призываемая черплыми,
Ты, не в золото одетая,
Из амвросических недр
Дай нам взять влаги благоуханной и милой...»⁴³

Так что Эвдокс напрасно поверит тем, кто утверждал, будто вода эта называется Стиксовой⁴⁴. А Музы были здесь поставлены как помощницы в гаданиях и хранительницы источника и святилища Геи, которой, говорят, принадлежало это прорицалище, ибо вещания здесь давались в стихах и песнях. Некоторые утверждают, что здесь впервые был услышан героический стих⁴⁵;

«Перья собирайте, о птицы, и мед приносите, о пчелы,

а затем, когда почитание Муз было оставлено, торжественность изображения исчезла».

- 402 E XVIII. Серапион же сказал: «Вот это, Боэт, уже другой разговор — и лучше и достойнее Муз. Не нужно восставать на божества и вместе с гаданиями отвергать и промысел и божественное начало, а надо изыскивать разрешения кажущихся противоречий, не оставляя при этом благочестивой веры отцов». «Правильно говоришь ты, благороднейший Серапион, — сказал я. — Ведь мы не думаем, что философия погибла и прекратила существование от того, что раньше философы излагали свои учения и рассуждения в поэмах, как это делали Орфей, Гесиод, Парменид, Ксенофан, Эмпедокл, потом перестали пользоваться стихами — все, кроме тебя: лишь в твоём лице поэзия вновь снисходит до философии, принося юношеству мысли правильные и благородные. И астрономию не сделали менее славной ученики Аристарха, 403 A Тимохариды, Аристиллы, Гиппарха, которые пишут прозой, тогда как раньше Эвдокс, Гесиод, Фалес писали стихами, — если только в самом деле Фалес написал приписываемую ему „Астрономию“⁴⁶. Сам Пиндар признаётся, что в его век пришла в небрежение обработка напевов, недоумевает и удивляется... (в тексте лакуна). В том, чтобы исследовать причины подобных перемен, нет ничего ни странного, ни дурного, но отвергать искусства и их возможности, если даже что-то в них непостоянно и изменчиво, несправедливо».

- 403 B XIX. Теон подхватил: «Это правда, что по части оракулов перемены и новшества были очень большие; но и очень давние оракулы, здесь произнесенные, как ты знаешь, часто были в прозе, хотя и касались предметов немаловажных. Как рассказывает Фукидид, македемонянам, вопрошавшим о войне с афинянами, оракул возвестил победу и власть и обещал помощь по зову и без зова, а потом объявил, что если они не отзовут Павсания, то им придется пахать серебряным плугом. А когда афиняне спрашивали

⁴³ Bergk, vol. 3, p. 410; Simonid., fr. 45.

⁴⁴ Эвдокс Книдский — математик и астроном конца V в. до н. э. Здесь намек на доаполлоновскую «хтоничность» прорицалища. См. А. Ф. Лосев, Античная мифология, М., 1957, стр. 251.

⁴⁵ Существует традиционная точка зрения, что ионийский диалект в оракулах указывает на то, что оракулы в своей метрической форме всего лишь подражали эпическому размеру (A. S. G. I. s. e. t, Histoire de la litterature grecque, t. II, P., 1928).

⁴⁶ Аристарх Самосский — астроном III в. до н. э., Гиппарх — II в. до н. э.; оба разработали теорию о движении земли вокруг солнца. Гесподу в древности приписывали «Астрономию» (Diels, Bd. I, p. 13—14), Фелесу — «Мореплавательную астрономию» (там же, стр. 499—501).

- о сицилийском походе, он приказал привести из Эритр жрицу Афин, и оказалось, что звалась она Гесихией („Тишиной“). Когда сицилиец Дейномен вопрошал о сыновьях своих, то бог ответил, что все трое станут тиранами. А на слова Дейномена „Не пришлось бы им рыдать, Аполлон-повелитель!“, он сказал: „И это им также дается и возвещается!“. И точно: вы ведь знаете, что Гелон страдал от водянки, а Гиерон — от каменной болезни, третий же, Фрасибул, среди распрей и войн скоро лишился власти⁴⁷. Далее Прокл, тиран Эпидавра, властелин жестокий и беззаконный, ласково приняв прибывшего к нему из Афин Тимарха, умертвил его, а тело его в корзине бросил в море⁴⁸.
- 403 С
- 403 D   Сделал он это с помощью Клеандра из Эгины, а больше никто об этом не знал. Но потом, когда вокруг началась смута, он послал сюда брата Клеотима, чтобы тот тайно спросил, куда ему бежать и где найти убежище, — а бог ответил, что бегство и убежище там, где он велел эгинцу схоронить корзину, или там, где олень сбросит рога. И вот тиран понял, что бог велит ему утопить себя или похоронить (ведь олени, когда у них падают рога, закапывают их и прячут под землю), некоторое время он еще продержался, но когда дела его стали совсем плохи, то бежал; и тут-то друзья Тимарха схватили и убили его, а труп выкинули в море.
- 403 E   И наконец, самое важное, — ведь законы, которыми Ликург привел в порядок государство лакедонян, были даны ему тоже в прозе⁴⁹.

- И Геродот, и Филохор, и Истр, стремясь собирать оракулы стихотворные, записали, тем не менее, и множество прозаических. А Феопомп, больше всех занимавшийся нашим прорицанием, очень порицал тех, кто сомневался, что и в его время Пифия давала предсказания в стихах. Но когда он захотел доказать это,
- 403 F   ему удалось собрать совсем немного стихотворных оракулов, потому что уже тогда они по большей части облекались в прозу⁵⁰.

- XX. Правда, некоторые из них и теперь оглашаются в стихах — из них один даже прославлен своим поводом. Есть в Фокиде святилище Геракла Женоненавистника, жрец которого в течение года не должен иметь дела с женщиной; поэтому обычно жрецами там назначают стариков. Однако недавно один юноша, не плохой, но честолюбивый, влюбленный в девушку, принял это жречество. Сначала он был воздержан и избегал ее; но однажды, когда он отдыхал после пира и пляски, она пришла к нему, и он сошелся с ней. Испуганный и смущенный, обратился он к оракулу и спросил бога, будет ли ему за этот грех искупление или прощение. Получил он такой ответ:

«Бог дозволяет все необходимое».

Право, если кто будет настаивать, что в наше время не бывает оракулов кроме стихотворных, то еще труднее будет ему говорить об оракулах древних, потому что ответы всегда давались как

⁴⁷ Thuc., I, 118, 3; V, 6.

⁴⁸ Herod., III, 52.

⁴⁹ О «реграх» Ликурга — Plut., Lyc. 13; более распространена версия о том, что он получил их от Аполлона; однако, как говорит Ксенофонт (Lac. polit. 8, 5), Аполлон только подтвердил и одобрил то, что было предложено Ликургом.

⁵⁰ Афиней (605 A) сообщает, что Феопомпом было написано сочинение «О деньгах, награбленных в Дельфах» Περὶ τῶν συληθέντων ἐκ Δελφῶν χρημάτων, а названный выше Филохор у Суды имеет характеристику «прорицатель и гадатель по внутренностям».

404 В в прозе, так и в стихах. А на самом деле, дитя, ни то, ни другое не противно здравому смыслу, если только суждения наши о боге чисты и недукавы, и мы воображаем, будто он сам когда-то сочинял стихи и сам теперь подсказывает Пифии оракулы в прозе и говорит сквозь нее словно сквозь маску.

XXI. В другой раз об этом можно будет поговорить подробнее и пытливее, а сейчас мы лишь коротко напомним о том, что заведомо известно. А именно, что тело наше пользуется, как орудиями, многими своими органами; душа же пользуется самим телом и его частями; а сама душа есть орудие бога. Достоинство же орудия в том, чтобы всей своей природной способностью воспроизводить того, кто им пользуется, и являть через себя дело его мысли. Но замысел этот орудие показывает не таковым, каков он был у творца, — чистым, невинным, непогрешимым, — а со многими посторонними примесями. Сам по себе он нам не виден, а будучи явлен в другом и через другое, он исполняется природы этого другого. Я не говорю даже о воске, золоте, серебре, бронзе и обо всем прочем, что принимает образ ваеваемой сущности, но придает лишь вид запечатляемого сходства, в остальном же всякий раз привносит в воспроизведение собственные свои отличия; не говорю и о том, как один и тот же предмет дает бесчисленно разные изображения и подобия в плоских, выпуклых и вогнутых зеркалах... (в тексте *лакуна*). Но вот, например, солнце: ничто так не похоже на него со виду и ничто не служит ему таким послушным орудием как луна; однако, заимствуя от солнца блеск и жар, она отражает их нам уже в ином виде: смешавшись с ней, они и окраску изменяют и силу получают другую; теплота же вовсе исчезает и остается лишь слабый свет. Ты знаешь, наверное, слова Гераклита: «Владыка, чье прорицалище в Дельфах, не вещает, не скрывает, но знаменует»⁵¹.

К этим прекрасным словам и прибавь нашу мысль: как солнце пользуется луной для того, чтобы его видели, так здешний бог пользуется Пифией, чтобы его слышали. Он обнаруживает и являет свои мысли, но обнаруживаются они не без примеси. Причина тому — смертное тело и душа человеческая, которая сама по себе к покою неспособна и не может предоставить себя на волю движущего начала неподвижной и устойчивой, ибо как в море волнения ее сотрясают, внутренние порывы спирают, страсти смущают.

404 F Подобно тому как при падении вращающиеся тела не могут двигаться ровно, а поневоле продолжают вращение и в то же время по природе стремятся вниз, так что из сочетания двух движений возникает сбивчивое и беспорядочное движение, — так и то, что мы называем вдохновением, представляется смешением двух движений души — одного природного, другого — привнесенного извне.

Телами неодушевленными и неизменными невозможно пользоваться несогласно с их природой: невозможно вращать цилиндр, словно шар, а конус словно куб или играть на лире, как на флейте, а на трубе, как на кифаре, и можно даже сказать, что применять каждую вещь «по правилам искусства» или «в соответствии с ее природой» — одно и то же. Так станет ли кто-нибудь с существом одушевленным, самодвижущимся, обладающим разумом и жела-

⁵¹ Diels, Bd. I, p. 86; He r a c l., fr. 93.

ниями, обращаться иначе, чем применяясь к его природе, возможностям, складу: например, возбуждать музыку ум немusикальный, грамматикой — ум неграмматический, логикой — ум не сведущий и не искусный в логике? Конечно, нет.

405 А XXII. В пользу мою свидетельствует и Гомер⁵²; он полагает, что если поискать, то ни одна причина не окажется, так сказать, «без бога»; однако в его представлении бог использует всех людей не как попало, а каждого по его способностям и умению». «Разве ты не видишь, милый Диогениан, — продолжал Теон, — что Афина, когда она хочет убедить ахейцев, то обращается к Одиссею, когда нарушить клятву — ищет Пандара, когда опрокинуть троян, спешит к Диомеду⁵³? Ибо один из них отважен и воинственен, другой — хотя и отличный стрелок, но безрассуден, а третий — разумен и мастер говорить. Ведь Гомер вовсе не думал так, как Пиндар, если только действительно Пиндару принадлежат слова⁵⁴:

«Коль бог захочет, на тростинке выплывешь»,

но знал, что природные свойства и силы имеют всякая свою цель и действуют различно, даже если движутся все одним и тем же. Тот, кто ходит пешком, не может летать, картавый лишен ясного выговора, зайке не достичь звучности голоса (я думаю, что и Батта бог послал в Ливию основать город именно из-за этого недостатка речи, потому что, хотя он был картав и зайка, но умен и царственен и искусен в правлении)⁵⁵, точно так же невозможно человеку неграмотному и невежественному выразиться стихами.

405 С А Пифия, которая теперь служит здесь богу, заняла это место прекрасно и по праву, как никто другой, и жизнь прожила добропорядочно; но выросла она в бедном крестьянском доме и сошла она⁵⁶ в это прорицалище, не принеши с собой никакого искусства, никакого опыта, никаких способностей. Как Ксенофонт полагает, что невеста мужа должна ему представлять, почти еще ничего в жизни не увидев и не услышав⁵⁷, так и эта дева, будучи почти во всем неопытной и несведущей, поистине душой своей сожительствует с богом. Мы верим, что бог дает знамения в крике цапель, коростелей, воронов, и не требуем, чтобы эти вестники и глашатаи богов говорили словесно и внятно, почему же мы хотим, чтобы 405 D голос и слова Пифии, словно она вещает со сцены, не были просты и грубы, но долетали до нас в стихах, величаво, с украшениями слога, метафорами, да еще и под звуки флейты?

405 E XXIII. Тогда что же сказать о Пифиях прежних времен? Пожалуй, тут сказать должно многое. Сначала, как сказано, и они по большей части давали ответы в прозе. Далее время принесло с собой дарования и душевный склад, способные и склонные к поэзии, и тотчас же появились предчувствия, порывы, душевная готовность творить при малом внешнем воздействии или при игре воображения; так что не только философов и астрономов влекло

⁵² Н о м., II, II, 169.

⁵³ Н о м., Od. II, 372; XV, 534; II, II, 172; IV, 92; V, 123.

⁵⁴ Nauck, III, № 401; место испорчено, и издатели текста сильно расходятся между собой: так, Вилламовиц внес конъектуру «Менандр» (ук. изд. F l a s e l i è r e, apparatus crit.).

⁵⁵ Н е r o d., IV, 155.

⁵⁶ Глагол «сошла» указывает, что прорицалище (χορηστῆριον) находилось под землей.

⁵⁷ Х е н., Оес. VII, 5.

к обычному их делу, но и от опьянения, и от сильного чувства, и от прилива печали, и от порыва радости люди обретали «сладкозвучную речь», и застолья наполнялись любовными стихами и песнями, а книги — писаниями. Еврипид, сказав,

405 F «Создаст поэта Эрос хоть из неуча»⁵⁸.

подразумевал, что Эрос не вкладывает в нас, а пробуждает присущие, разогревает скрытые и дремлющие способности к музыке и поэзии. А то не сказать ли нам, гость, видя, что никто ни в стихах,

406 A ни в песнях, по Пиндарову слову,
«не рассылает, как стрелы, медвяные гимны свои»⁵⁹, —

не сказать ли, будто нынче никто не умеет любить, и Эрос покинул нас? Ясно, что это нелепость: ведь много любовных страстей и в наши дни обуревают людей, возбуждая души, не способные и не готовые к мусическому искусству, чуждые флейты и лиры, но от этого не менее пылки и речистые, чем в старину. Грешно и стыдно было бы сказать, будто не ведает Эроса Академия и весь хор Сократа и Платона⁶⁰, — каждому открыты их беседы о любви, хотя стихов они и не оставили. И не все ли равно: сказать «не было влюбленных женщин, кроме Саффо» или «не было пророчиц, кроме Сивиллы, Аристоника⁶¹ и прочих, которые вещали стихами», как Херемон⁶² говорил, что «вино смешивается с характерами пьющих», так и любовное и пророческое вдохновение пользуется теми способностями, какие есть у одержимых, и каждого из них волнует сообразно с его природою.

406 B XXIV. А взглянувши на вопрос со стороны бога и провидения, мы увидим, что эта перемена была только к лучшему. Употребление слова ведь подобно изменению курса монеты, имеющей в разное время разную ценность, употребительность и распространенность. И вот было время, когда словесной монетою людей были стихи, напевы и песни; и они-то перелагали в музыку и поэзию как всю историю и всю философию, так и попросту всякое сильное чувство и всякий предмет, требующий торжественного выражения. Что теперь с трудом понимают немногие, тем когда-то владели

406 C все:

«и пасущие овец, и пахари, и птицеловы», как говорит Пиндар⁶³, не только слушали и радовались пению, но очень многие, по общей склонности к поэзии, сами лирою и пением поучали народ, смело говорили с другими, ободряли, приводили притчи и пословицы, а еще слагали в стихах и напевах гимны богам, молитвы, пеаны — одни по врожденной склонности, другие — по привычке. И бог не гнушался красотой и приятностью в искусстве предсказания и не отгонял от треножника чтимую Музу, а напротив, приближал ее, возбуждая поэтические дарования и

⁵⁸ Фрагмент из «Сфенебеи» Еврипида (Nauck, fr. Eur. № 663).

⁵⁹ Isthm. II, 3. Плутарх меняет в цитате прошедшее время (ἐτόξευον) на настоящее (τόξευετ).

⁶⁰ Как примеры «бесед о любви» можно указать диалог Платона «Федр», в «Федоне» 60 С — Д; эпиграммы — Bergk, II, p. 237—288.

⁶¹ Аристоника, как рассказывает Геродот (VII, 140), дала афинянам два стихотворных оракула.

⁶² Херемон — трагик, время жизни его неизвестно, от сочинений сохранились отрывки. Приведенная строка — Nauck, p. 787, fr. 16.

⁶³ Isthm., I, 48.

406 D радуясь им; он сам двигал воображением и вызывал к жизни слова величественные и цветистые, как наиболее уместные и восторг вызывающие.

А когда жизнь изменилась и вместе с ней изменились и обстоятельства и дарования, то обиход отверг излишества, снял золотые пряжки, совок мягкие ткани, остриг пышные волосы, отвязал с ног котурны⁶⁴, тогда люди совсем не плохо научились находить красоту в простоте, а не в роскоши и прикрасу нехитрую и незатейливую ценить выше, чем пышную и избыточную.

406 E И когда таким образом речь переменяла свои словесные одежды, то история сошла с колесницы стихотворных размеров и стала в прозе четко отделять сказки от правды. И философия, предпочитавшая потрясению души ясность и поучительность, стала вести свои изыскания прозой. Тогда-то бог удержал Пифию от того, чтобы она называла своих сограждан «жгущими огонь», спартапцев — «поедающими змей», мужей — «обитающими в горах», реки — «пьющими горы». Лишив предсказания стихотворной речи, непонятных слов, описательных выражений и неясности, божество стало так говорить с вопрошающими, как законы говорят с государствами, как цари встречаются с народами, как ученики слушают учителей,— то есть стремясь лишь к привычному и убедительному.

XXV. Следовало бы хорошо помнить слова Софокла, что божество

«Пророчества в загадках мудрецам речет,
Глупцов же плохо учит даже краткостью»⁶⁵.

407 A А когда в оракулах появилась ясность, то и доверие к ним, как и к другим вещам, стало меняться. Необычное, редкое, окольное и иносказательное многим казалось божественным и вызывало восторг и благоговение; а теперь люди, полюбившие учиться на том, что легко и ясно, без напыщенности и выдумок, стали обвинять облекавшую оракулы поэзию, подозревая, что она мешает мысли, выражениями своими внося в истину темноту и неясность, а иносказаниями, загадками, двусмысленностями предоставляя вещанию лазейки и убежища, чтобы укрыться в случае ошибки. Можно было от многих услышать, что вокруг прорицалища засели какие-то люди, которые перехватывают ответы оракула и стискивают их, словно в сосуды, в сочиненные наспех стихи, размеры, ритмы. Я не верю этой клевете и не стану говорить, будто все эти Ономакриты⁶⁶, Продики, Кинетоны виноваты

407 B перед оракулами, придав им совсем ненужную трагедийную пышность. Нет, больше всего поэзию обеславили шарлатаны, площадная чернь, бродяги, кривляющиеся возле святилищ Великой Матери и Сераписа⁶⁷. Это они, иные устно, иные по каким-то гадательным книжкам, переделывали оракулы в стихи для че-

⁶⁴ «Излишества» относятся к началу классического периода «золотые шпильки» употреблялись для высокой прически; котурны перед греко-персидскими войнами были привезены из Лидии; в это же время вошли в употребление длинные мягкие туники — об всем этом см. Th u c., I, 6, 3. О длинных волосах упоминает и Аристофан: Equit. 580; Nub. 14.

⁶⁵ Nauck, p. 298; S o p h., fr. 704.

⁶⁶ Афинянин Ономакрит жил при Писистрате (VI в. до н. э.) и первым осуществил запись поэм Гомера. Геродот (VII, 6) называет его также «исследователем оракулов».

⁶⁷ Восточные культы были распространены во многих римских провинциях. Культ Кибелы Великой Матери пришел из Фригии во время греко-персидских войн; культ Сераписа распространился после походов Александра Македонского.

ляди и для баб, падких на мерную и поэтическую речь. Вот почему, воочию став общим достоянием обманщиков, шарлатанов и лжепрорицателей, поэзия отлучила себя от истины и дельфийского треножника.

407 D XXVI. А что древние оракулы порой нуждались в некоторой двусмысленности, неясности, иносказательности, этому удивляться не приходится. Ведь никто, клянусь Зевсом, не опустился до того, чтобы вопрошать оракул о покупке раба или о ремесленных заботах: нет, обращались к богу могущественные государства, цари и тираны, замышлявшие необычное; огорчать и озлоблять их, заставляя слушать много неугодного, служителям оракула было невыгодно. Ведь бог не подчиняется Еврипиду, который провозгласил как закон, что

407 E «лишь Фебу должно людям прорицать»⁶⁸.

Нет, он пользуется смертными служителями и пророками и вынужден о них заботиться, остерегая божьих слуг от дурных людей; поэтому бог, не желая скрывать истину, открывает ее в измененном виде: ясность ее преломляется поэзией, дробясь на отдельные лучи и теряя от этого прямогу и жесткость. Нужно было, чтобы тираны пребывали в неведении и не знали заранее о своих врагах. Так вот для них-то бог и прибегал к намекам и двусмысленностям, которые скрывали смысл сказанного, но не давали ему ускользнуть и не вводили в заблуждение тех, кто нуждался в понимании и слушал внимательно⁶⁹. Поэтому в высшей степени наивен тот, кто клеветает на бога и обвиняет его за то,

407 F что в новых обстоятельствах он подает нам помощь новым способом.

XXVII. Главная польза от стихотворной формы была в том, что слова, связанные стихотворным размером, лучше запоминались и усваивались. А тогдашним людям нужна была хорошая память. Ведь вещания говорили о многом: и о приметах места, и об удобном времени для предприятий, и о святилищах заморских богов, и о неведомых могилах героев, которые трудно найти вдалеке от Эллады. Вы ведь знаете, сколько нужно было указаний Хиосцу, Кретину, Гнесиюху, Фаланту⁷⁰ и другим вождам переселенцев, чтобы найти назначенное каждому место поселения. Некоторые из них сбивались с пути, как, например, Батт. Ему показалось, что его постигнет неудача, и он не нашел того места, куда был послан; тогда он пришел спросить второй раз, и бог ему изрек:

«Если ты лучше меня, бывавшего в Ливии, знаешь
Землю, кормящую агнцев, то мудрость твоя мне завидна»⁷¹.

Этими словами бог вторично послал его туда же. А Лисандр, пренебрегши сведениями об Орхалидском холме, который называется еще и Лисым, по реке Гоплит,

«и о драконе, землей порожденном, крадущемся с тыла»⁷²,

⁶⁸ E u r., Phoen., 958.

⁶⁹ Геродот (I, 47 и 55) приводит затемненные оракулы, данные Крезу.

⁷⁰ Текст испорчен и имена сомнительны. Наиболее достоверный из них — упомянутый во фрагментах поэмы Скимна один из основателей Синопя Кретин (Geographi Graeci minores, ed. C. Müller. vol. I, P., 1856, p. 236, v. 949).

⁷¹ H e r o d., IV, 155—157.

⁷² P l u t., Lys. 29.

408 В был побежден в бою и погиб в тех же местах от руки Неохора из Галиарта, мужа, у которого был щит с изображением змея.

Однако нет необходимости перечислять вам и без того известные случаи из прошлого, чтобы загромождать ими память.

XXVIII. Мне гораздо приятнее и отраднее говорить о тех делах, о которых вопрошают бога в наши дни. Ведь нынче всюду прочный мир и спокойствие, нет больше ни войн, ни переселений, ни мятежей, не существует тирании, нет прочих бед и болезней

408 С Эллады, как будто они исцелены действием необыкновенных лекарств.

Там, где нет никакого разногласия, ничего тайного, ничего страшного, где возникают вопросы о делах малых и всем доступных, словно школьные упражнения: «жениться ли мне», «спуститься ли в плавание», «ссудить ли деньги»⁷³; и даже города задают вопросы разве что о плодородии, приплоде скота, о здоровье граждан — там слагать стихи, изодраться в иносказаниях, приискивать редкие слова, где нужен лишь короткий и простой ответ на вопрос, — способен лишь тщеславный софист, который напоказ рисуется перед прорицалищем. А Пифия, по благородству души своей спускаясь к святыне и общаясь с богом, больше заботится о правде, чем о мнении хвалителей и хулителей.

408 D XXIX. Может быть, и нам следовало бы брать с нее пример. Но раз уж мы вступили в спор, не желая, чтобы место это потеряло свою трехтысячелетнюю славу и чтобы иные люди не отвернулись от оракула с презрением как от болтовни софиста, то мы и произносим защитительные речи и приискиваем причины тому, чего не знаем и что нам даже не следует знать; мы убеждаем и ускапываем хулителя, не давая ему уйти, потому что

«Это сугубое горе ему самому обратится»⁷⁴,

408 E если у него такое мнение об оракуле, что он вот эти изречения мудрецов «познай самого себя» и «ничего слишком» с готовностью принимает и восхищается их краткостью, которая заключает в малом объеме сжатую и вескую мысль, но оракулы за такую же краткость, простоту и прямоту их слога только бранят. А ведь подобные изречения похожи на реки, протекающие в теснинах: в них нет ни прозрачности, ни ясности, но если ты посмотришь, что написано или сказано о них у тех, кто потрудился в них

408 F вникнуть, то увидишь такие большие сочинения, длиннее которых трудно найти.

Математики называют прямую линию кратчайшей из линии между двумя точками: таков и язык Пифии — без выгибов, без петель, без повторов, без двусмысленностей, как прямая дорога ведет он к истине; он открыт для любых сведений и проверок, и все эти испытания он до сего дня всегда выдерживал с честью. А прорицалище свое он наполнил приношениями и дарами от эллинов и варваров, украсил превосходными постройками и убранством, достойным амфикионий.

409 A Посмотрите сами, как много выстроено, чего раньше не было, и как много восстановлено разрушенного и поврежденного. Подобно тому как рядом с плодоносящими деревьями подра-

⁷³ Даже император Адриан ездил в Дельфы вопрошать о родине Гомера (Anth. Pal. XIV, 102).

⁷⁴ Н о м., Od. II, 190.

стают молодые, так вместе с Дельфами цветет юность, набирается сил Пилея ⁷⁵, благодаря здешним богатствам украшаясь и благоустраиваясь и храмами, и общественными зданиями, и водоемами, каких никогда в ней не было за тысячу лет. Обитатели Галаксии в Беотии чувствовали присутствие бога по изобилию и избытку

409 В молока:

«из всех овец, как лучшая вода из источников, нежное струилось молоко; торопливо наполнялись им чаны, ни мех, ни кувшин не пустовали в домах, полны были деревянные бочки и подойники» ⁷⁶.

409 С А наш бог дает знамения еще яснее, еще надежнее, еще ослепительнее, сотворив здесь, так сказать, из бесплодия прежних времен изобилие, почет и блеск. Я горжусь собой, что всему этому и я принес усердие и пользу вместе с Поликратом и Петреем ⁷⁷; я ценю и того, кто во главе этого общественного дела столь многое обдумал и приготовил, но все равно не могла такая великая и прекрасная перемена за такое малое время совершиться одними людскими усилиями, если бы здесь не присутствовал сам бог, осеняя свое прорицалище.

409 D XXX. Но как в давние времена были люди, порицавшие запутанность и темноту оракулов, так и теперь находятся осуждающие чрезмерную их простоту. Но ревность их — ребячество, и негодование — глупость. Как дети радуются и ликуют при виде радуги, комет, светящегося нимба вокруг солнца или луны, так и эти люди жаждут от пророчества загадок, иносказаний, переосмыслений всех этих окольных путей к воображению смертных. А по-должному уразуметь причину совершившейся перемены люди не могут, и вот они уходят прочь, осуждая божество. А ведь это себя и нас следовало бы им осудить за то, что мы не в силах проникнуть рассудком в божественный промысел».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ К ПРИЛОЖЕНИЮ

- Bergk — Th. Bergk, *Poetae lyrici graeci*, I—II, Lipsiae, 1882
 Diels — M. Diels, *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Bd. I—II, 6-te Auflage, B., 1950—1952
 Kock — *Comicorum atticorum fragmenta*, ed. Th. Kock, vol. I—III, Lipsiae, 1880—1888
 Nauck — *Tragicorum graecorum fragmenta*, ed. A. Nauck, Lipsiae, 1882
 SVF — H. von Arnim, *Stoicorum veterum fragmenta*, vol. I—IV, Lipsiae, 1921—1924

⁷⁵ Пилея — предместье Дельф.

⁷⁶ Атрибуция стихов сомнительна. Виламовиц приписал их Пиндару (fr. 101—102) — см. F l a s e l i e g e, ук. изд.

⁷⁷ Луций Кассий Петрей выведен Плутархом в «Застольных беседах» (V, 2), где он назван «агонофетом при Пифии». Поликрат из Сикиона — потомок стратега Арата Сикионского (271—213 гг. до н. э.), возглавлявшего Ахейский союз. Для его сыновей, Поликрата и Пифокла, Плутарх и написал биографию знаменитого стратега (Arat. I 5). Плутарх ввел его также как участника «Застольных бесед» (IV, 4).